

Интервью перед закрытием сезона

В Большом театре завершается 218-й сезон. После почти годовых баталий на собраниях, в кабинетах, за кулисами, в средствах массовой информации и, к сожалению, даже на сцене, — произошла смена художественного руководителя театра.

Для такого сложного коллектива как наш, три месяца — срок небольшой, но он оказался достаточным, чтобы определить творческие приоритеты, репертуарную перспективу театра. О перспективе — наш разговор с директором-художественным руководителем Большого театра России **ВЛАДИМИРОМ ВИКТОРОВИЧЕМ ВАСИЛЬЕВЫМ**.

— Что за прошедшие три месяца было для Вас самым трудным, может быть, даже не самым трудным, но оказалось неожиданным в новой должности?

— Самое трудное — объем работы. В каждой профессии — свои трудности. В профессии танцовщика трудным было все, абсолютно все спектакли. И я не мог сказать, какой из них самый легкий и какой самый трудный, какая роль самая легкая и самая трудная, потому что сложным был каждый выход на сцену и подготовка к нему.

На посту директора свои трудности. Разница в том, что объем задач здесь, естественно, гораздо больше, все время у меня ощущение, что я пытаюсь объять необъятное.

Выбор для себя очередности решения задач, стоящих сейчас перед Большим театром, — вот, пожалуй, самое сложное. Одним из самых сложных для меня было научиться говорить «нет». Было негрудно разговаривать с людьми абсолютно разными, из разных цехов, я даже не ожидал, что настолько это будет легко — может быть, потому что, разговаривая со мной, люди понимают, что я говорю одно, а думаю — другое. А сложно — все. Абсолютно.

И не потому, что до меня театром руководили какие-то плохие или неумелые люди. Просто такой большой организацией, каким является Большой театр, быть, есть и будет полон интриг,

слухов, сплетен, и для вновь пришедшего директора главное — получить необычайно широкую информацию, не подавая себя эмоциям.

— Отбросить их?

— Не то, чтобы отбросить, но взглянуть на ситуацию как бы со стороны, будто все это происходит не с тобой, а с другим человеком. Этому даже не надо учиться, это приходит само собой.

— И время само очень трудное для театра, и в стране очень сложная обстановка — все это не может не влиять на театральную ситуацию.

— Естественно, сейчас совершенно другие принципы сосуществования, раньше в этом смысле было, конечно, проще. И ведь просто вижу этот страх, постоянно его чувствую, чувствую, как люди боятся говорить правду. Боятся, что каждое сказанное ими слово, которое может чем-либо раздражить руководителя, обернется для них трагедией. И думаю, нужно еще очень много времени, чтобы это чувство исчезло.

— В течение года, когда шли внутритеатральные баталии, трудно было решить любой вопрос. Театр жил на коротком дыхании. Что удалось сделать за прошедшие три месяца?

— Удалось прояснить наши репертуарные горизонты, определить взаимоотношения между руководителями и собствен-

но труппой, художественными руководителями и коллективами. А ведь произошла почти полная их замена. Должен сказать, что пока я доволен выбором людей, которые сейчас руководят нашими творческими цехами. И не только творческими, а и художественно-постановочной частью — мне кажется, что с приходом Д. В. Родионова наступит определенный сдвиг в преодолении и этого хаоса.

Я сам был человеком спонтанным, как, впрочем, все актеры — сегодня одно, завтра другое, потом третье... А сейчас увидел, что вся работа в театре велась по этому принципу: осязала гениальная идея кого-либо из руководителей — давайте, давайте, давайте, давайте... Конкретного плана на несколько лет вперед не было. Сейчас он есть, и есть уже конкретная договоренность с большими художниками, которые придут к нам в театр на протяжении ближайших трех сезонов. Не буду заранее называть всех, но среди них — и Аббадо, и Озава, на днях должен состояться разговор с Евгением Федоровичем Светлановым. Есть договоренность с режиссерами — Андреем Кончаловским, Робертом Стурой, Марком Захаровым, идет масса переговоров с творческими людьми. Мне казалось, что это будет проще, сразу появится определенность, но я ошибался, потому что каждое большое имя — это очень сложный процесс временной конкретизации работы в Большом театре. У всех, как правило, расписано все время лет на 5 вперед. Правда, мне удалось договориться с Бежаром, который обещает нам конкретную работу — «Гетэ Парижен» и еще два своих одноактных балета. Это сезон 1996—1997 гг.

(Окончание на 3-й стр.).

Многое зависит от нас самих

(Окончание.

Начало на 1-й стр.)

Определен следующий сезон. Это — балет «Белоснежка и семь гномов», вслед за этим «Хованщина». Далее — восстановление «Ромео и Джульетты» Л. Лавровского, постановка «Укрошения строптивой» Дж. Кранко, следующий оперный спектакль будет зависеть от переговоров с Р. Стурой и возможностей нашего хора — может быть, «Аида» или «Турандот». В конце сезона я должен поставить оперу «Травиата». И, естественно, задел — маленькие балеты, променады-концерты, в которых прозвучит и «Воевода», и «Реквием», а также один-два балетных концерта.

Очень важно отметить, что у нас в следующем сезоне будет новый принцип планирования текущего репертуара. В связи с тем, что «Хованщина» тре-

бует очень большой работы (исредо мной даже был поставлен вопрос об открытии сезона в октябре), решили, что начнется сезон нормально, в сентябре, но практически весь сентябрь будет балетным месяцем. Затем балет уедет на гастроли, и «удир на себя» примет опера. Таким образом, оперный сезон начнется в октябре, и к этому времени уже многое по «Хованщине» будет готово.

— Еще один вопрос. Что делается для выполнения Распоряжения Правительства о формировании труппы на контрактной основе? В возможностях ли театра реализовать это Распоряжение?

— К счастью, интуиция подсказала, что перейти на контрактную основу в этом сезоне было просто невозможно. Я рассматриваю следующий сезон

как подготовку к переходу на контрактную систему. Все должно быть выверено в деталях прежде, чем мы поменяем нашу систему работы. Везуловое, все понимают, что контрактная система будет, и сейчас понимают больше, чем когда-либо, что она связана, конечно, с финансами. Более того — не только с финансами, но и во многом зависит от нас самих, в первую очередь от работы репертуарной части — на ее плечи ложится совершенно другой объем работы и большая ответственность. Раньше мы говорили, что должны быть декадные совещания, планировали репертуар и составы на месяц вперед. Сегодня требуется совсем другой подход. Не может быть контрактной системы без календарного плана минимум на ближайший сезон. Мы еще не можем абсолютно точно все распределить по дням и часам, а это — необходимое условие для перехода на работу по контрак-

ту. Если мы сейчас распланируем следующий сезон до января, а потом вторую половину сезона, то сезон 1996—1997 гг. может стать для нас переходным. Таким образом, сезон 1995—1996 гг. покажет, реален ли вообще на этом этапе переход на контрактную систему. Пока же все вновь поступающие в театр работники принимаются на трудовые договоры.

— Вопрос о контракте очень волнует массовые коллективы — хор, оркестр, миманс.

— Какими бы замечательными не были солисты, дирижеры, режиссеры, балетмейстеры, стержень музыкального театра — оркестр, кордебалет, хор. Если их нет, нет и музыкального театра. Как такового. Есть концертная площадка или площадка для представления и прона- та каких-то спектаклей. Нам нужно сохранить Большой театр. Отсюда и ответ: массовые коллективы на контракт пока переводиться не будут.